

УДК 316.7

Н. В. ВАНДИШЕВА-РЕБРО**СОЗИДАНИЕ И ЕГО РЕАЛИИ: ОТ АРХАИКИ ДО ПОСТМОДЕРНИЗМА**

В статье рассматривается формирование в истории человечества отношения человека как субъекта к вещам. Рассматриваются различные версии этих отношений на различных этапах существования человечества: архаическое сознание, христианская антропология, постмодернизм. Мифологическое, христианское, научное и постмодернистское сознание интересует с точки зрения реакции человека на вещь и отношения к ней. Христианско-антропологическая традиция представлена на примере творчества Н.В. Гоголя. В статье отмечается тот факт, что взаимодействие человека с материальными ценностями, которые он сам и создал, существенно отягощают бытие человека. Существование человека сводится, в конце концов, к постоянной борьбе двух начал: духовного и материального или вечного и преходящего, сиюминутного. Таким образом, вещь может существовать в жизни человека в двух версиях или как объект, что признано нормой, или же, к сожалению, может проявлять себя как субъект, что есть ужасным.

Ключевые слова: вещь, материальный мир, христианская антропология, беспристрастие, творчество, спасение, постмодернизм, минимализм.

Введение. В современных условиях актуальным становится вопрос об отношении человека к вещам, то есть материальным ценностям, которые сам человек и создал. С развитием культуры эта проблема приобретает все новые и новые оттенки, так как возникает вопрос не просто о владении или собственности, а скорее об отношении к тому, чем сегодня можно владеть и насколько.

Цель исследования. Да, чем больше человечество существует, тем больше оно производит, а сам человек постепенно обесценивается – такими были прогнозы классиков. Насколько возможно или каким должно быть отношение человека к вещи в современных условиях? Как наладить или выстроить правильное отношение к вещи, и какие существуют версии? Целесообразно изучить накопленный опыт и вскрыть этот пласт культуры насколько возможно, так как ситуация усугубляется и нужных вещей у современного обывателя оказывается порой намного больше, чем, например, близких людей.

Проследивая историю развития отношений человека и вещи, обнаруживаются интересные детали. Например, следуя за рассуждениями Шеппинга Д. О. – автора исследования «О древних навязках и наузах и влиянии их на язык, жизнь и отвлеченные понятия человека» [4], первоначальный человек понимал под словом жизнь одно чисто физическое существование. Выражение живот как существование и жизнь были для него тождественны. А само слово живот означало в то же время ту часть человеческого тела, которая содержит в себе все главные органы его жизни, без которых он и жить не может. Поэтому и выражение положить живот отождествляется с понятием смерти. Положить живот очень часто отождествляется с понятием стать грудью и покончить с жизнью, то есть до определенного момента ценным у человека была только его тело отождествленное с жизнью.

При таком понимании жизни, представление о своем Я почти всегда в сознании архаического человека отождествлялось с главными органами физического существования: животом, головой, сердцем. Но если живот и голова – представители моего Я, то руки, обычно выступали как посредники между человеком и окружающими его предметами. Все, что держат и обнимают мои руки – мое. Это понимание очень четко отразилось во многих языках. Вот почему все выра-

жения принадлежности, имущества и владения большей частью носят в первоначальном виде своем смысл физического схватывания рукою, как, например, слово держава происходит от слова держать, то есть то, что можно удержать за собою, а, например, имение от имати – брать. Таким образом, рука становится в прямой физической связи между мною и схваченным мною предметом. Владеть можно только тем, что можно удержать.

Человек в диком кочующем состоянии имел все свое добро при себе и считал своим только то, что мог унести с собою. Все, что непосредственно было с человеком связано или материально к нему привязано, или надето ассоциируется у него с представлением вещественных уз связывающих обладаемое с владетелем. Чем ценнее казалась человеку предмет, тем крепче старался он соединиться с ним, поэтому и придавал дорогим металлам определенные формы – так, можно предположить, появились первые ювелирные украшения, например, вспомним формы колец, венцов, обручей. Интересно, что на этом этапе развития человек все еще остается субъектом, потому что вещь является ценной для него, когда она находится с человеком. Таким образом, до определенного момента человек был ценен сам по себе и все свое носил с собой.

Первый дикий способ всякого приобретения демонстрирует насильственное схватывание предмета, насильственное привязывание его к себе, почему и в слове навязывать сохранился смысл насилия. В феодальной Европе в знак вызова на поединок бросали перчатку – знак схватывающей руки, а у чехов – это мог быть венец или цепь как примета того состояния, на которое присуждался побежденный. Действительно, понятия победы и плена в древности сливаются в одно с понятием рабства. Первым рабом стал тот, кто покорился врагу своему, отдался ему в плен (полон), схвачен им руками и стал в глазах победителя его собственностью. По этой причине раба, как вещественную собственность, господин стал привязывать к себе или к своей колеснице, или к коню. Отсюда и синонимичные выражения вязень или узник в значении пленника. Привязать к себе – значит победить. И до определенного момента человек и выступал как победитель и субъект.

Впервые мы отмечаем, что человек может владеть не только вещью, но и другим человеком. В большей

степени интерес представляет тот момент, когда сам человек незаметно оказывается в плену своих вещей.

Любовью и трудом привязывается человек к своей родной земле, к своему очагу и семейству. Таким образом, формируются кровные узы родства и узы дружбы – союзы, связи и привязанности. Общественные нужды налагают на человека всякого рода обязанности и обязательства. И вся жизнь человека, наконец, уподобляется длинной нити, по которой наши действия и предприятия являются то завязывающимися, то развязывающимися узлами, почему и сам узел приобретает символическое значение таинственной загадки неразгаданной будущности. Подобно как в вещественном связывании лица или предмета есть сторона действующая — активная (тот, кто связывает) и сторона страдательная (кто или что связывается), точно так же и в нравственных узах человека является он то действующим лицом, пользующимся крепостью этих уз, то лицом пассивным, угнетенным их тяжелым бременем. Естественно также, что при перенесении физических явлений на отвлеченные понятия самые вещественные предметы этих явлений стали для нас аллегорическими символами тех идей, которые соответствуют в мире мышления явлениям жизни материальной. Таким образом, венцы, цепи и кольца от первоначального значения оков постепенно переходят в наших глазах в олицетворение понятий царства, брака, могущества, богатства и славы.

Понятно, что в славянской культуре существенную роль в понимании отношения к вещи сыграло христианство. Осознание нового мировоззрения потребовало длительного периода, а результаты мы можем и сегодня обнаружить в творчестве многих писателей и мыслителей. Закономерно, что писатели, исследуя христианство, особое значение придавали различным формам несчастий и бедствий – болезням, нужде, глупостям человеческим. Но параллельно мыслители обращаются и к простейшим, но вместе с тем могущественнейшим феноменам бытия: существованию, времени, вечности, бренности, к кризисным этапам бытования, отягощенным скукой, усталостью, отвращением, страхом, огчаением. Все вышперечисленные элементы насыщены у многих отечественных мыслителей именно религиозным содержанием.

Специфическое понимание вопроса бренности бытия и привязанности к нему продемонстрировал талантливый писатель и мыслитель Николай Васильевич Гоголь. Его стремление не привязываться к чему-либо или кому-либо сначала формируется в его сознании, затем трансформируется в его жизнь, восприятие людей, событий и, наконец, в образы его произведений. В жизни это проявлялось в том, что Гоголь очень часто нуждался в деньгах, что он подолгу жил за счёт своих друзей, пользуясь их благосклонностью. Возможно, в этом его бытии просматривается нечто роднящее его с великим земляком Григорием Савичем Сковородой. Но каковы бы ни были мотивы Гоголя, известно, что он практически отказывается от такого сотрудничества с какими-либо журналами, которое могло бы принести ему хотя бы какие-нибудь деньги. В этом вполне можно усмотреть идею не принадле-

жать никому, которая объясняется очень доходчиво И. Лествичником. Нужно отметить, что важным для религиозного развития Н. В. Гоголя явилось знакомство с «Лествицей» Иоанна Лествичника. Богородице-венный старец в «Лествице» [3] явил яркий пример христианской антропологии, пытаясь показать путь совершенствования человека, то есть путь достижения человеком своего первоначального состояния. Здесь представляется важным понять те препятствия, что стоят на этом пути и мешают человеку. Препятствий таковых великое множество. Во втором слове «Лествицы» [3, с. 24], где речь идёт о беспристрастии, то есть, «отложении попечений и печали о мире» автор отмечает, что самого себя нужно сделать нищим, способным принимать милостыню от других, и далее он всех пребывающих в мире и живых называет мёртвыми, так как они умерли в суете мирской.

Гоголя не могло не привлечь то, что Иоанн Лествичник говорит о грехе как о свободном отпадении или отречении от Бога, об отпадении от жизни как о вольной смерти, как о своего рода самоубийстве по своеволию. Ведь, что явилось причиной греха? Человек, будучи образом Божиим был преднаправлен к своему Первообразу для достижения обожения. Человек был создан совершенным и совершенство это выразилось в способности приобщаться к Богу. Эта возвышенная способность должна была пронизать и преобразить всю тварную природу. Но вместо этого человек подчинился материальному, а человеческий ум принизился, обратившись к миру преходящего. Вместо того, чтобы следовать своей естественной расположенности к Богу; вместо того, чтобы одухотворять тело, человек сам отдался течению животной и чувственной жизни. Исходя из этого, грех состоит в удалении от Бога, то есть от жизни, а это – начало смерти. Первый грех есть предпочтение чувственного духовному. Правый путь ведёт от вещественного к духовному – к Жизни. Ибо сказано: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» [Матф. 7, 13–14].

Удивительная диалектика бытия как одна из вариаций писателя по поводу реалий и версий вещизма представлена Н. В. Гоголем и в «Мертвых душах»: Чичиков – имеет цель, ничем материальным не владея; Плюшкин – владеет значительными материальными ценностями, не имея цели. Это – крайности, которые, конечно, можно встретить не только в российской действительности. Между ними можно предположить некую градацию: иметь много и расточать много; иметь мало, а расточать много; иметь мало и расточать соответственно; иметь много, а расточать немного. Но своеобразии действительности, описываемой Гоголем в том, что она не склонна к градациям, а живёт исключительно в области экстремального.

Постоянные перемещения героев у Гоголя – это не только художественный приём, но и попытка преодолеть в движении омертвление быта. Тема бессемейного путника постепенно ассоциируется не с каким-либо героем Н. В. Гоголя, а уже с самим автором.

Здесь можно провести аналогию с рассуждениями Х. Ричарда Нибура в монографии «Христос и культура» [2], который находит, что в условиях наличия двух сложных реальностей – Христа и культуры, – в сознании христианина возникает диалог. С одной стороны, Христос направляет людей к Богу, уводя человека от всего временного и от плюрализма культуры, Христос направляет надежды людей на другой мир и освобождает их от сохранения неустойчивого общественного наследия. С другой стороны, культура обязывает людей сохранять ценности прошлого, таким образом, она отвергает Христа, заповедывающего людям положиться на благодать. То есть христианину бессмысленно строить Царство на земле, так как он знает, что оно уже существует в метамире.

Здесь обнаруживается, что для верующего человека, если он призван ещё к тому же и к писательскому делу, возникает явное затруднение в совмещении ценностей царствия земного и Царствия Божия. Выход, конечно, есть и заключается он в примирении земного с горним. В этом плане показательна эволюция Гоголя от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» к «Выбранным местам из переписки с друзьями», которые и оказываются гоголевской апологией этого примирения. А может быть, попыткой не примирения, а соответствия.

Развитие отношений человека и вещи, а шире – материального – сегодня приобретает все более мощные масштабы и до сегодня остается актуальной проблемой, и даже более чем это было ранее. Занимательная версия современности – это минимализм как мировоззрение. Особое отношение к вещам в XX веке ярко отразилось в художественном творчестве, дизайне. Шестидесятые годы XX века, например, были временем процветания в Америке. Именно тогда появились перспективы создания нового культурного пространства у Америки, но она отказалась наследовать европейскую традицию, она выбрала свой собственный путь, развивая и компилируя в себе возможные культурные формы. Таким образом, сложилось новое явление постмодернизма – это минимализм. Понятно, что, как и любая система взглядов, минимализм имеет свою предысторию и своих предшественников. Многие принципы, ассимилированные мини-

мализмом, были известны человечеству с глубокой древности. Другие же были сформулированы недавно в рамках различных философских учений, а именно: ограждать себя от лишней информации, устранить из жизни все лишнее – вот к чему призывает философия минимализма. Смысл жизни носителя минимализма – жить качественно и полноценно, при этом, не пользуясь ничем лишним, не загружая жизнь ни лишними вещами, ни бессмысленными событиями, ни глупыми мыслями.

Выводы. Таким образом, можно уверенно утверждать, что взаимодействие человека с материальными ценностями, которые он сам и создал, существенно отягощают бытие человека. Существование человека сводится, в конце концов, к постоянной борьбе двух начал: духовного и материального или вечного и сиюминутного. В отношении человека к вещи можно разграничить две версии взаимодействия. Первая, когда человек выступает как сторона действующая, активная, а вещь существует как объект. Вторая версия сводится к тому, что человек может выступать как сторона страдательная, в такой ситуации вещь превращается в субъект, что чревато для дальнейшего развития культуры. Выстраивание здоровых отношений с вещью неотъемлемая составляющая жизни человечества, что демонстрирует история, и залог дальнейшего и плодотворного развития культуры.

Список литературы: 1. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937. 2. Нибур Ричард Х. Христос и культура // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнгольда Нибура. – М.: Юрист, 1996. – С. 7–225. – (Лики культуры). 3. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. – СПб.: Светослов, 1996. – 352 с. 4. Шеппинг Д. О. Одревних навязках и наузах и влиянии их на язык, жизнь и отвлеченные понятия человека. Мифы славянского язычества / Д.О. Шеппинг. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 301 с.

Bibliography (transliterated): 1. Gogol, N. V. *Sobr. soch.*: In 14 vols. – Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1937. Print. 2. Nibur, Richard H. "Hristos i kul'tura." *Hristos i kul'tura. Izbran-nye trudy Richarda Nibura i Rajnhol'da Nibura*. Moscow: Jurist, 1996. 7–225. Print. 3. Prepodobnyj Ioann Lestvichnik. *Lestvica*. Saint Petersburg.: Svetoslov, 1996. Print. 4. Shepping, D. O. *Odrewnih navjazah i nauzah i vlijanii ih na jazyk, zhizn' i otvlechenne ponjatija cheloveka. Mify slavjanskogo jazychestva*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: AST MOSKVA, 2008. Print.

Поступила (received) 28.01.2016

Відомості про авторів / Сведения об авторах / About the Authors

Вандишева-Ребро Надія Валентинівна – кандидат філософських наук, доцент, Національний технічний університет «Харківський політехнічний інститут», доцент кафедри етики, естетики та історії культури, тел. (057) 707-68-73; e-mail: nadvan.rebro@gmail.com.

Вандишева-Ребро Надежда Валентиновна – кандидат філософських наук, доцент, Національний технічний університет «Харківський політехнічний інститут», доцент кафедри етики, естетики та історії культури, тел.: (057) 707-68-73; e-mail: nadvan.rebro@gmail.com.

Vandyшева-Rebro Nadiya – Candidate of Science (Ph. D.) in Philosophy, Docent, National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute", Associate Professor of the Department of Ethics, Aesthetics and History of Culture, tel.: (057) 707-68-73; e-mail: nadvan.rebro@gmail.com.